

3. Mihalovskij D. L. Korol' Genrih IV. Tragedija. Perevod s anglijskogo (otryvok): [Chernovoj avtograf] // RGALI. F. 309. Op. 1. Ed. hr. 9.
4. Ustrjalov F. N. <Iz «Korolja Genriha IV». Ch. I, d. II, sc. 3. Ch. II, d. IV, sc. 4> // Sochinenija Genriha Gejne v perevode russkih pisatelej / ed. P. I. Vejnberg. St. Petersburg, tip. A.S. Golicyna (byvsh. O.I. Baksta), 1864. Vol. III, pp. 185, 190–191, 194–196, 204–207.
5. <Shal' F.>. Ob istoricheskikh dramah Shekspira // Atenej. 1830. Part IV. November – December. Nauki i slovesnost', pp. 127–177.
6. Shekspir V. Genrih IV. Part 1–2 / Prozaicheskij per. s angl. N.H. Ketchera // Shekspir V. [Sochinenija]. Moscow, tip. N. Stepanova, 1841. Part I, Iss. 3–4, pp. 230–507.
7. Shekspir V. Genrih IV: Istoricheskaja hronika : in 2 parts. Moscow, Leningrad, Detgiz, 1948. 256 p.
8. Shekspir V. Dramaticheskie sochinenija: [Korol' Ioann; Richard II; Genrih IV. Parts 1–2]. 2nd ed. Moscow, tip. K.T. Soldatenkova, 1862. Part 1. 408 p.
9. Shekspir V. Edinobesedovanie Genriha IV po polucheniju noch'ju izvestija o vozmushhenii Gercoga Nortumberlandskogo <Korol' Genrih IV. Ch. II, d. III, sc. 1> // Ippokrena, ili Utehi ljuboslovija. 1801. Part VIII. pp. 20–22.
10. Shekspir V. Izbrannye proizvedenija / ed. M. P. Alekseev, A. A. Smirnov. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, 1950. XVII, 648 p.
11. Shekspir V. Korol' Genrih IV. Dramaticheskaja hronika // Biblioteka dlja chtenija. 1860. Vol. 159, № 5. Otd. I. pp. 1–106.
12. Shekspir V. Korol' Genrih IV. Sceny // Zvezda, 1946, № 2–3, pp. 118–144.
13. Shekspir V. <Korol' Genrih IV. Ch. II, d. IV, sc. 4> // Nastavnik, ili Vseobshhaja sistema vospitanija. St. Peterburg, tip. Gornogo uchilishha, 1789. Part I. pp. 265–267.
14. Shekspir V. Korol' Genrih IV. Chast' II. Akt IV, sc. IV / Perevod, predislovie i primechanija K.R. <K.K. Romanova> // Russkoe obozrenie, 1894, № 3, pp. 5–18.
15. Shekspir V. Monolog Genriha IV, kogda on noch'ju poluchil izvestie o vozmushhenii Grafa Nortumberlandskogo <Korol' Genrih IV. Ch. II, d. III, sc. 1>. <Korol' Genrih IV. Ch. II, d. IV, sc. 3> // Uchitel', ili Vseobshhaja sistema vospitanija. Moscow, Univ. tip. N.I. Novikova, 1789. Ch. I, pp. 100–103.
16. Shekspir V. Muzyka: [Iz «Korolja Genriha IV»] // Krasnaja nov', 1938, № 8, pp. 131.
17. Shekspir V. Polnoe sobranie sochinenij v perevode russkih pisatelej: <in III t.> / ed. N.V. Gerbel. 4th ed. St. Petersburg, tip. V. Bezobrazova i Ko, 1887. Vol. II. 680 p.
18. Shekspir V. [Polnoe sobranie sochinenij : in 5 vol.]. St. Petersburg, izd. F.A. Brokgauza – I.A. Efrona, 1902. Vol. II. 578 p.
19. Shekspir V. Polnoe sobranie sochinenij : in 8 vol. Moscow, Leningrad, Academia, 1937. Vol. III. 684 p.
20. Schmidt A. Shakespeare-Lexikon. Berlin, 1902. 1487 s.
21. Shakespeare W. The complete works of William Shakespeare. Philadelphia, Porter & Coates, 1869. 1048 p.

КОНЬ В ЛЕГЕНДАХ И МИФАХ ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Сатцаев Эльбрус Батрбекович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 362040, Россия, г. Владикавказ, пр. Мира, 10, e-mail: soigsi@mail.ru.

Лошадь была главным видом домашнего скота у иранских народов древности. Она сыграла решающую роль в распространении индоиранских народов на огромной территории. Среди древних иранцев сложился определённый культ, связанный с этим домашним животным. В статье описаны обряды, ритуалы и мифы иранских народов, связанных с культом коня.

Ключевые слова: иранские народы, культ коня, коневодство, боевая колесница, скифы, Авеста, Нарты, Шахнаме, иранская ономастика

HORSE IN LEGENDS AND MYTHS OF IRANIAN PEOPLES

Satsayev Elbrus B., Candidate of Philological Sciences, senior research associate, V.I. Abayev North Ossetian Institute for Humanities and Social Research, 362040, Russia, Vladikavkaz, 10 Mira ave., e-mail:soigsi@mail.ru.

The role of horses in the development of human civilization cannot be compared with the role of any other domesticated animal. This article tells about the fire cult formed in a vast environment of Indo-Iranians inhabiting Central Asia and the South Caucasus as well as ceremonies, rites and myths related to horses.

Keywords: Iranian peoples, fire cult, horse – breeding, military cart, the Scythians, Avesta, the Narts, Shahnameh, Iranian onomastics

Культ коня впервые сложился в конце III тысячелетия до н.э. у приручивших его индоевропейских народов. В большей степени он был распространён среди тех индоиранских народов, которые во II тысячелетии до н. э. переместились в Переднюю и Малую Азию и принесли сюда искусство использования коней в боевых колесницах. Это послужило причиной развития коневодства в этом регионе. В составленном в XIV в. до н. э. митаннийцем Киккули трактате о коневодстве, который был обнаружен в Хеттском архиве в Малой Азии, встречаются термины иранского происхождения, связанные с конными соревнованиями [7, с. 56]. В ту же эпоху под влиянием индоевропейцев коневодство и почитание коня распространились на юге Средней Азии, в Индии и Китае. Вместе с самим животным одновременно заимствовались и связанные с ним обряды и мифы, сложенные индоевропейцами [6, с. 223–230].

Этим объясняется сходство легенд и ритуалов, связанных с конем у разных народов.

Среди индоевропейских народов древности наибольшее распространение коневодство получило у иранских племён. Древние иранцы разводили коней в большом количестве, и они составляли основное их богатство.

Иранские племена привели на территорию Древнего Востока высокопородных лошадей, начали приучать и запрягать их в боевые колесницы. И это дало возможность впервые широко использовать их в военном деле, сделав колесничную тактику боя древневосточным койне [6, с. 179].

Конь был весьма популярен и в художественном творчестве иранцев. Образы коня несли определённую смысловую нагрузку, выражая идеологию и мировоззрение иранских племён.

Об особом значении коня у древних иранцев свидетельствует и текст Авесты. В одном из древнейших гимнов о солнечном божестве договора Митры, восходящего, по крайней мере, к середине первого тысячелетия до н. э., говорится, что Митра развезжает по небу на прекрасной золотой колеснице, которую:

*Везут четыре белых,
Взраченных духом, вечных
И быстрых скакуна,
И спереди копыта
Их золотом одеты,
А сзади – серебром. [3, с. 85]*

Колесницы Митры, которой правит божество благой судьбы – Аши, и боятся все злые и враждебные божества – демоны зороастрийской религии. В пятом гимне, посвящённом богине вод и плодородия Ардвиг-Суре говорится:

*И четырёх ей создал
Ахура жеребцов,
Те кони – Дождь и Ветер,
И Облако, и Град.*

*Они ей постоянно
Льют влагу, о Спитама
Поят ее росой,
Числом неисчислимым
Ей сыплют снег и град. [3, с. 45]*

На быстрых конях движется по небу Солнце:

*Молось ради счастья
Я громкой молитвой
Бессмертному Солнцу,
Чьи кони быстры.
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры. [3, с. 51]*

Конница была главной военной силой кочевых иранских племён. Мобильная конница давала возможность быстро покрывать значительные расстояния, экстренно совершать маневры. Это позволило иранским племенам расселиться на огромной территории. Особую значимость имела лошадь в жизни североиранских племён – скифов и аланов, о чем свидетельствуют многочисленные исторические источники. Аммиан Марцеллин пишет об аланах: «Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и пасут их; но главный предмет их забот – лошади»¹. Лошадь была главным видом домашнего скота кочевых иранцев. Кочевник большую часть своей жизни проводил в седле. Владение лошадьми было важнейшим условием благосостояния и социального статуса намаза. Скиф, лишившийся скота, терял и свой авторитет в обществе.

Чрезвычайно важную роль играла лошадь в военном деле скифов. Каждый взрослый скиф был конным воином. Массовое применение конницы позволило скифам разгромить сильные государства Ближнего Востока [5, с. 202–214]. Значительная роль лошади нашла отражение в знаменитом нартовском эпосе осетин, ведущих своё происхождение от скифов.

Нартам были известны различные породы лошадей: Алп, Аракан, Саулох, Афсург, Аласа и другие. В эпосе встречаются десятки кличек лошадей, часто совпадающих с названием их пород.

В результате миграций иранские племена осваивали новые территории, часто меняли хозяйственный уклад, что влекло за собой изменение культовой роли коня. Среди иранцев в наиболее устойчивом виде она сохранялась у скифов и их потомков – аланов и осетин. Античный историк Геродот сообщает нам об одной интересной этногенетической легенде скифов, где говорится, что дочь реки Борисфен спрятала коней Геракла и согласна была вернуть их с условием, что богатырь останется жить на время с ней. Геракл вынужден согласиться. Наконец, женщина отдала коней и после отъезда героя родила трёх сыновей. Двух старших она изгнала из страны. Младший же – Скиф остался в стране, и от него произошли все скифские цари [4, с. 11–12].

Эта легенда указывает на связь коней с культом богини-матери – родоначальницы скифов.

С легендой неразрывно связано осетинское нартовское сказание о происхождении первых нартов. В нём говорится, что первый конь появился одновременно с рождением Сатаны (Шатаны) и матерью этого коня была покойная дочь Донбеттыров – властителей вод. Отцом – небесный конь небожителя Уастырджи.

Культовая роль коня в осетинском фольклоре представлена исключительно богато. Нартовские лошади отличаются огромной силой и выносливостью. Они могут разговаривать, и герои, оказываясь в затруднительном положении, спрашивают у них совета. Благодаря мудрым советам своих скакунов, нарты благополучно минуют препятствия и добиваются успехов. Нартовские кони могут мыслить и переживать.

¹ Аммиан Марцеллин – римский историк позднего времени, жил в IV в. н.э. (родился около 330 г.). Написал римскую историю в 31 кн. от 96 до 378 гг. н.э.

Из всех животных нарты больше всего любили коня и собаку. Это связано с образом жизни нартов-охотников, воинов, пастухов, коневодов. Только в такой среде конь мог играть первостепенную роль.

Кони у нартов пользуются не меньшей известностью, чем сами герои. Из всех животных в эпосе осетин только конь и собака введены в антропогонический миф, в соответствии с которым первый земной конь и первая собака произошли от небесных коня и собаки.

До недавних пор у осетин бытовали предания, что нартовские скакуны действовали сами собой и не нуждались в управлении всадником.

На лошадях нарты передвигаются не только по земле и небу, но и из одного мира в другой. Первостепенная роль коня в нартовском эпосе, унаследованного от скифов и алан, является одним из доказательств иранской первоосновы нартовского эпоса.

Ряд мифологических и ритуальных представлений, связанных с конём, совпадает у осетин и у говорящих на алтайских языках народов Центральной Азии, что отражает древние контакты между их предками.

Роль коня является весьма значимой и в эпосах других иранских народов, в частности иранцев.

В иранской эпической поэме «Шахнаме» с самого начала до конца конь сопровождает славных иранских витязей. Образы коней из Шахнаме настолько сродни скакунам из осетинского нартовского эпоса, что единство их происхождения не вызывает сомнения. Наиболее знаменитым конём в «Шахнаме» является богатырский конь Рустама Рахш. Как и нартовские богатыри, иранский герой долго выбирал коня, способного выдержать его тяжесть. Рустам уже думал, что не найдёт подходящего коня, пока, наконец, ему не попался Рахш, ставший верным другом витязя.

Подобно нартовским коням Рахш обладает даром речи, и Рустам нередко советуется с ним.

Интерес вызывает сходство обрядовых действий, связанных с конём, у иранских народов. В нартовском эпосе известны лошади, набитые соломой и поставленные в позу передвигающихся. У осетин до недавнего прошлого существовал обычай бахфалдисын – «посвящение коня», который восходит к далёкому прошлому, когда вместе с мужчиной хоронили и его верховую лошадь. Считалось, что конь был необходим ему в загробном мире.

Со временем обычай «посвящение коня» видоизменился и стал носить символический характер. У коня отрезали кончик правого уха, что символизировало приношение в жертву коня покойнику. Отрезанная часть уха укладывалась в могилу покойного.

Сходный ритуал описан древнегреческим историком Геродотом у скифов: скифы умерщвляли 50 коней, извлекали их внутренности, наполняли чрево отрубями и зашивали. Затем протыкали их толстыми кольями, надевали им уздечки с удилами и ставили коней с умерщвленными всадниками вокруг могилы [4, с. 3]. Обычай «посвящение коня» в трансформированном виде ярко описан и в «Шахнаме», где Тахмина оплакивает погибшего сына Сухраба:

*Увидела сына блестящий венец –
Кровь сердца окрасила слёзы в багрец
Над троном склоняет в отчаянный стан,
Взывает: «О царственный, стройный платан!»
Велит подвести боевого коня,
Чей блеск затмевал и сияние дня,
И крепко за шею обняв скакуна,
Всех тронула, всех изумила она.
То гриву погладит, то к ней припадёт,
То слёзы над нею горячие льёт,
И горько рыдая, подковы ему
Целует, коню огневому тому.
Меч острый Сухраба
Схватила, стена,
Отрезала гриву и хвост у коня. [8, с. 94–95]*

В соответствии с древней иранской традицией Рахша хоронят рядом с Рустамом:

*Гробницу, замкнув, разлучились потом
С великим и доблестным богатырём
У самого входа коня погребли,
В рост Рахша там вырыть могилу смогли.* [9, с. 325–326]

О почитании коней древними иранцами свидетельствует также широкое распространение у них имён, образованных от иранского названия коня (*asp*):

а) скифская ономастика: *Aspandan* – стально-конный, имеющий стальных коней; *Aspaugra* – имеющий мощных коней, мощный конь; *Asparuk* – имеющий светлых коней, светлый конь; *Boraspa* – имеющий буланых коней; *Baivar-aspa* – многоконный (авест. *biverasp*)¹, *Vanataspa* – победоконный, и т.д. [1, с. 151 – 197]

б) иранская ономастика из Шахнаме и Авесты: *Гершасп*, *Арджасп*, *Гошмасп*, *Керсасп*, *Лохрасп*, *Гошесп*, *Техмасп*, *Биверасп*, *Джамасп*, *Эрджасп*, *Будасп*, *Зересп*, *Шейдасп* и т.д.

Образ Бога Солнца на боевой колеснице, запряжённой конями, является общим для индоевропейских народов. Само солнце при этом представляется в виде колеса.

Связанный преимущественно с лошадьё женский мифологический образ, часто встречающийся у многих индоевропейцев, в фольклоре иранских народов отсутствует.

В современном осетинском языке иранское название лошади *aspa* – в закономерной форме *aefsaе*, *jaefс* сохранилось в значении «кобыла». Для наименования лошади используется обычно слово *baex*, что, по мнению В.И. Абаева, восходит к субстратному (кавказскому) слову [2, с. 255–256].

Baex представлено из кавказских языков лишь в чеченском, ингушском в значении «жеребёнок» и в имеретинском диалекте грузинского языка в значении «кляча». Ограниченность использования и отвлечённость значения слова *baex* в кавказских языках делают маловероятным его кавказское происхождение.

Отмечено слово *baex* и в русских говорах в значении «кляча», что увеличивает сомнения о кавказском происхождении слова.

Слово *baex*, возможно, связано с иранским глаголом *bār* – «ездить верхом». Из иранских соответствий можно отметить согдийское *bārāk* (*baryh*) – «всадник» и памирское салыкольское *worak* – «лошадь».

Связанные с конём различные идеологические представления распространились в древности и в средневековье на огромной территории. Значение образа коня стало полисемантическим у разных иранских народов зоны евразийских степей и Средней Азии. Сравнение этого образа в их фольклоре указывает на его значительную общность и единую первооснову у большинства иранских народов.

Список литературы

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. – Москва – Ленинград, 1949.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – Москва – Ленинград, 1958. – Том I.
3. Авеста: Избранные гимны / пер. с авестийского и коммент. проф. И.М. Стеблин-Каменского. – Душанбе : Адиб, 1990.
4. Геродот. История : в 9 кн. / Геродот. – Владикавказ, 1991. – Кн. 4: Мельпомена.
5. Гуляев В. И. Скифы: Расцвет и падение великого царства / В. И. Гуляев – Москва, 2005.
6. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг / Е. Е. Кузьмина. – Москва – Санкт-Петербург, 2008.
7. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию / И. М. Оранский. – Москва, 1984.

¹ Биверасп – в авестийских источниках означает «обладатель 10 000 коней», «человек, несметно богатый табунами коней».

8. Фирдоуси. Шахнаме. Том IV (пер. Ц. Б. Бану-Лахути) / Фирдоуси. – Москва, 1969.
9. Фирдоуси. Шахнаме. Том II (пер. Ц. Б. Бану-Лахути) / Фирдоуси. – Москва, 1960.

References

1. Abayev V. I. Osetinskij jazyk i fol'klor. Moscow, Leningrad, 1949.
2. Abayev V. I. Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. Moscow, Leningrad, 1958. Vol. I.
3. Avesta: Izbrannye gimny. Dushanbe, Adib, 1990.
4. Herodotus. Istorija : in 9 books. Vladikavkaz, 1991. Book 4: Melpomena.
5. Guljaev V. I. Skify: Rascvet i padenie velikogo carstva. Moscow, 2005.
6. Kuz'mina E. E. Arii – put' na jug. Moscow, St. Petersburg, 2008.
7. Oransky I. M. Introduction to Iranian Philology. Moscow, 1984.
8. Firdausi. Shahname. Moscow, 1969. Vol. IV.
9. Firdausi. Shahname. Moscow, 1960. Vol. II.

К ПРОБЛЕМЕ «ЖЕНСКОЙ» ПОЭЗИИ В ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Адильгиреева Заида Сельдерхановна, соискатель, Дагестанский государственный педагогический университет, научный сотрудник Сектора родных литератур, Дагестанский научно-исследовательский институт им. А.А. Тахо-Годи, 367000, г. Махачкала, ул. Леваневского, 4, e-mail: zaida.adi@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы художественного своеобразия поэзии Дж. Керимовой. Автор уделяет особенное внимание проблеме гендерных стереотипов и их роли в художественно-литературном творчестве. Исследование кумыкской «женской» литературы, в частности творчества Ж. Керимовой, позволяет апеллировать к рассмотренным гендерным стереотипам весьма условно, то есть не в качестве истины в последней инстанции, а в порядке информации о существовании определенных представлений по существу исследуемой нами проблемы.

Ключевые слова: художественная литература, кумыкская поэзия, гендер, стереотип

THE PROBLEM OF "WOMEN'S" POETRY IN DAGESTAN LITERATURE

Adilgireeva Zaida S., competitor, Dagestan State Pedagogical University, research associate department of native literatures, State Budgetary Institution The Dagestan Research Institute of A.A. Takho-Godi, 367000, Makhachkala, 4 Levanevsky st., e-mail: zaida.adi@mail.ru.

In article questions of an art originality of poetry of J. Kerimova are considered. The author pays special attention to a problem of gender stereotypes and their role in art and literary creativity. Research of the Kumyk "female" literature, in particular Zh. Kerimova's creativity, allows to appeal to the considered gender stereotypes very conditionally, i. e. not as the ultimate truth, and as information on existence of certain notions on the substance of the problem investigated by us.

Keywords: artistic literature, poetry, gender, stereotypy. fiction, Kumyk poetry, gender, stereotype

Несмотря на то что «женская» составляющая дагестанской, в частности, кумыкской, литературы, представляет собой значительный пласт национальной художественной словесности (У. Мангаева, З. Атаева, У. Ибрагимова, П. Абукова, Ш.-Х. Алишева, Дж. Керимова, Г. Атаева, С. Мамаева, З. Атагишиева и др.), эта проблема, за исключениями отдельных газетных отзывов и других (юбилейных, презен-